

ИЗ ТОГО, ЧТО ХОТЕЛА, Я НЕ СЫГРАЛА НИЧЕГО

Встр. Москва. - 2000. - 22 ноября. - с. 3

Говорят, что российский человек перестал быть советским не после Беловежской Пуши, а когда у него отняли последние советские радости: дефициты — макулатурные книжки, номенклатурные заказы, «жизненные» фильмы, гробовые деньги, державные песни и самое главное — молодость.

В поисках утраченного бывшие советские россияне идут кто куда: летом на митинги протеста, зимой на вечера встреч с кумирами своего все еще пламенного сердца.

На прошлой неделе я побывала на двух ностальгических концертах — Давида Тухманова и Клары Лучко. На первом, в киноконцертном зале «Россия», овациями встречали «Мой адрес — Советский Союз», «Родина моя», «Я люблю тебя, Россия». И хотя на юбилейном вечере скромной Клары Лучко ничего такого

петься не предполагалось, толпа зрителей буквально приступом брала места в зале, осадив Дом кино как некогда Зимний дворец. И это лишний раз подтвердило, что чаянья и принципы советского человека есть величина постоянная, как бы он теперь ни назывался.

Анна Саед-Шах

— Клара Степановна, за многие годы работы в кино вы в первые позволили себе провести официальный юбилейный вечер. Я давно не помню, чтобы зрители не только сидели в проходах, на лестнице, но и стояли в течение нескольких часов не шелохнувшись, как часовые у мавзолея. Чем вы это объясните?

— Я сама не ожидала, все даже перепугались — некуда людей сажать, а они идут и идут. Почему? Не знаю, но если в десяти миллионной Москве ко мне хорошо относятся около двух тысяч человек, то это не так уж и много. Мы еще не учли членов Союза кинематографистов. Они ведь проходят по членским билетам, но на творческие вечера своих коллег приглашают редко.

— Глядя на ваше спокойное красивое лицо и зная, что вы снялись более чем в шестидесяти картинах, хочется думать, что творческая судьба ваша была удачной и легкой.

— Вера Петровна Марецкая, вручая мне диплом, сказала: «Вы, как все молодые, думаете, что ваш путь будет усыпан розами. Но всякая красивая роза имеет шипы». Конечно, тогда я в это не поверила. Но очень скоро почувствовала, что шипы, действительно, нещадно ранят на протяжении всего пути. Зато эта боль проходит, забывается, а моя причастность к кинематографу остается. Наше поколение сделало свое кино. Сейчас другая молодежь, у них другие проблемы, идеалы. И они получают в XXI веке тот кинематограф, какой создадут, пропустив через себя и наш опыт. Хотя сейчас редко хоро-

ший режиссер или актер доходит до третьей картины. Одни не могут найти денег, другим нечего играть в этом новом кино.

— Как вы сейчас оцениваете советский кинематограф?

— Первый раз я поехала в Канн с картиной «Возвращение Василия Бортникова». Молодая, из себя симпатичная, давала много интервью, писала даже, что за первые три дня фестивалю я превзошла популярность Мишель Морган. Я в делегации была самая молодая и неопытная. Что с меня взять, кроме внешности. Но были там такие корифеи, как Александров и Орлова. И знаете, практически все другие делегации хотели с нами познакомиться и сфотографироваться. Не знаю, любили нас, не любили или, может быть, боялись — но мы были в центре внимания. И не просто так. Это был великий кинематограф. Наши классики: Довженко, Юткевич, Пудовкин и, конечно, Эйзенштейн были известны там абсолютно всем.

— Вы член академии «Ника» и участвуете в отборе фестивальных картин. Ну и как мы сегодня — отстаем от запада?

— Мы очень любим на ходу меняться, но история все расставляет по своим местам. Вот мы все разрушили и пытаемся создать новый кинематограф. Ругали западные сериалы, а сейчас сами пытаемся снимать такие же. Выходит, отстаем. В начале перестройки на каком-то нашем пленуме один американский продюсер на вопли «Свобода! Будем, наконец, снимать все, что хотим!» — ответил: «Если вы потеряете свой национальный ментали-

тет в кино, ни одной картины не продадите, потому что картина вообще нам не нужна. На свете всего-то шесть-семь сюжетов».

— Вы упомянули сериалы. Вы сами смотрите их, хотели бы сниматься?

— Вообще-то я снималась в одном из первых сериалов: «Цыган», «Возвращение Будулая». Сериалы по сути не смотрю, но мне было интересно понять, почему люди смотрят по 50—100 серий. В основном это одинокие люди, не имеющие своей жизни.

— Кстати, я не могу назвать сериал про Будулая уж очень талантливыми. В чем, на ваш взгляд, секрет его невероятного успеха в народе?

— Это классическая мелодрама, а Будулай — идеальный герой. Судя по страшному количеству писем и мне, и Волонтиру, каждая женщина, оказывается, хотела бы встретить именно такого человека. Они все уверены, что мне невероятно повезло. Куда бы я ни приезжала, меня спрашивали, почему оставила Будулая дома и приехала одна. Они не желали отделить жизнь от кино.

— Но есть еще и детективные сериалы.

— Это что-то страшное! Милиционеры и преступники говорят не только на одном языке, но и в одной манере — бандитской.

— Это вас удивляет? Ведь мы не только в кино слышим подобные речи — например, из уст наших политических деятелей.

— Ну и что? Кинематограф, театр, литература должны поднимать культуру и преобразовать реальность. Разве не так?

— Я знаю, что вы-то эту ре-

альность преображаете. Расскажите читателям, где и как?

— В культурном фонде «Слава». Это имеет отношение к экологии и здоровью детей. Меня туда пригласили после смерти Юрия Никулина. Что я особенного могу сделать для детей? У меня есть только имя и болеющее за них сердце... Хотя кое-что могу. Летом в международный День ребенка в Москве всегда проходят детские выставки и фестивали. Мы приглашаем детей из разных городов, в этот раз пригласили из Гомеля. А как нам их привезти — это ведь некоммерческая организация? Идем в министерства, пробиваем, говорим о бедных детях, о радиации. В этот раз над детьми сжалился Аксененко, дал бесплатные вагоны и даже денег на пансионат для проживания. А еще недавно я помогла отстоять помещение Академии детского хорового пения. В таких вещах и пытаюсь быть полезной. Хотя даже не знаю, какая у меня должность.

— Как не знаете? Народная артистка. Кстати, из ваших многочисленных ролей какая любимая? Может быть, Даша Шелест из «Кубанских казаков»? Хотя, мне кажется, что для вас эта роль не была сложной. Вы ведь просто играли себя молодую.

— Верно, я сама казачка. И играла себя, свою жизнь.

— Но были ведь и по-настоящему трудные роли?

— Постойте-постойте, нельзя сказать, что это было просто! Когда человека снимают на собственный паспорт, посмотрите, каким он получается: напряжен, глаза расширены, как будто не дышит. Быть самой

собой — очень трудно, может труднее всего. Я училась у Сергея Герасимова. Он говорил: смотрите вокруг, запоминайте, ведь те характеры, что вы увидите в жизни, нельзя придумать.

— Очень хочется задать банальный вопрос: кого вы не сыграли?

— Когда раньше меня спрашивали, кого бы я хотела сыграть, было больно отвечать. Ведь все равно никто не говорил: если хочешь это играть, мы поставим. А вот в Голливуде известная актриса всегда имеет достаточно денег, чтобы выступить собственным продюсером. Она нанимает режиссера, сценариста, они пишут и снимают то, что она хочет сыграть.

— А если бы вдруг так случилось?

— Если бы... ох, я уже так много всего переиграла. А из того, что хотела, я не сыграла вообще ничего.

— Свой актерский опыт необходимо передавать молодым?

— Меня приглашали преподавать во ВГИКе. Но я не считаю, что имею на это право. Когда я училась, у нас преподавали Эйзенштейн, Ромм, Герасимов. Вот они имели право.

— Начиная с 48-го года вы снимались ежегодно за исключением двух существенных перерывов: с 1966 по 1970 и с 1970 по 1973. С чем, если не секрет, это связано? С окончанием оттепели?

— Нет, просто большие, но чисто «служебные» роли я уже не хотела играть. Я ждала персонажа с судьбой, а мне предлагали от тех же шей, но пожизне. Я отказывалась и играла в любимом Театре киноактера. Одно дело, когда режиссер после съемки скажет, что вот мол, хорошо получилось и совсем другое, когда слышишь дыхание зала и в ту же секунду ясно, как сыграла сцену... Последняя роль была в пьесе «Ссуда на брак». Я играла героиню, которую, зная меня по кино, никак нельзя со мной соотнести. Если бы вы видели, как я смешно танцевала!.. Я вообще-то по натуре оптимист, но оставаться оптимистом в нашей стране очень трудно. Когда что-то хорошее вдруг мелькнет, я начинаю надеяться. Хотя я и теперь надеюсь, что бог даст — все образуется.

— Вы прожили большую часть жизни в атеистическом государстве. Неужели веруете?

— Мои родители были атеистами, и я сроду не бывала в церкви. Но как-то так случилось, что почувствовала желание пойти в храм, потом покреститься.

— Что-то изменилось?

— После крещения я спросила у священника: как я теперь должна жить? А он ответил: живи так, чтобы проснувшись утром, не стыдилась того, как жила вчера. Так и стараюсь жить.

Друже Клара

22.11.2000